

все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владиміръ:—Есть люди болѣе достойные сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастья вѣншія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія... тотъ, кто жаждетъ и не надѣется... тотъ, кто въ тягость вѣмъ, даже любящимъ его... тотъ... но для чего говорить объ такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій:—Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить своего бѣднаго съ рабомъ?

Владиміръ:—Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣть выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай; и страсти его, и безчувственность другихъ, все соединено къ его гибели.

Бѣлинскій:—Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и вѣмъ управляетъ?

Владиміръ (смотреть на небо):—Вѣрю ли я? Вѣрю ли я?..

Бѣлинскій:—Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владиміръ (помолчавъ):—Послушай: не правда ли, теперь прекрасная погода? Пойдемъ на бульваръ.

Бѣлинскій:—Чудакъ! (Входитъ слуга Марья Дмитріевна). Что тебѣ надобно? Кто ты?

Владиміръ:—Слуга моей матери!

Слуга:—Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искать я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

Владиміръ:—Что случилось?

Слуга:—Да барыня-съ...

Владиміръ:—Что?

Слуга:—Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

Владиміръ:—Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга:—Очень нездорова-съ!

Владиміръ (задумчиво):—Очень!.. да, я пойду! (Подавая руку Бѣлинскому). Не правда ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ? (Уходитъ. Въ продолженіе этой рѣчи онъ изнылся въ лихъ и голосъ его дрожалъ).

Бѣлинскій (глядя вслѣдъ ему):—Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось въ груди твоей.—Я веселаго характера,

обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; постѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучший способъ излечить его отъ самой глушѣйшей болѣзни. (Слуга Бѣлинскаго входитъ). Что тебѣ?

Слуга:—Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

Бѣлинскій:—Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (Про себя). Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ: играютъ скверно, тѣсно, душно, а нечего дѣлать! весь beau-monde! (Закуриваетъ трубку и уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Дѣйствіе II. Явленіе III. [по перв. списку].

10-го января день.

Въ домѣ у Загорскихъ. Комната барышень. **Княжна Софья** сидитъ на постели; **Наташа** поправляетъ волосы передъ зеркаломъ.

Княжна Софья:—Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

Наташа:—Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Княжна Софья:—Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться: онъ вовсе не такой человѣкъ.

Наташа:—Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Княжна Софья (насмѣшливо):—Не правда ли, какъ онъ интересенъ, какъ милы его глаза, полные слезъ?

Наташа:—Да, для меня очень занимательны.

Княжна Софья:—Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа:—Ему не отчего быть увѣрену.

Княжна Софья:—А попробуй показать холодность—тогда отстанетъ.

Наташа:—Я пробовала и онъ не отсталъ, и только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

Княжна Софья:—Но ты не умѣешь притворяться, ты...

Наташа:—Повѣрь, не хуже тебя.

Княжна Софья:—Арбенинъ точно такъ же куртизанилъ прошлаго года Лидію Полину; а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею—ты помнишь? То же будетъ и съ тобой.

Наташа:—Я не Полина.

Княжна Софья:—Посмотримъ.